

**В серии «Другие Миры»
вышли книги:**

Ника Ветрова
Университет вредной магии.
Пособие по выживанию

Галина Гончарова
Против лома нет вампира
Не сотвори себе вампира

Ольга Куно
Горький ветер свободы
Черно-белая палитра
Чудовище и красавец

Вероника Мелан
Ассасин
Дэлл
Уровень: Магия

Ирина Котова
Королевская кровь.
Сорванный венец
Королевская кровь.
Скрытое пламя
Королевская кровь.
Проклятый трон
Королевская кровь.
Связанные судьбы

Ольга Гусейнова
Когда нет выбора
Сумеречный мир

Ольга Хусаинова
Академия Зла.
Испытание ведьмой

**Нина Бархат,
Марина Багирова**
Присвоенная

Жанна Лебедева
Сиреневый черный.
Гнев единорога

Лесса Каури
Золушки из трактира
на площади
Золушка вне закона
Золушки нашего Двора

Алиса Дорн
Институт моих кошмаров.
Здесь водятся драконы
Институт моих кошмаров.
Адские каникулы

Таис Сотер
Факультет прикладной магии.
Простые вещи
Факультет боевой магии.
Сложные отношения

Кира Стрельникова
Своенравный подарок

Дарья Кузнецова
Модус вивенди

Ольга Романовская
Песочные часы

Юлия Григорьева
Погоня за сказкой

Ирина Зволинская
Охота на дракона

Алина Лис
Маг и его кошка

Алина Полянская
Магистерия

Анна Невер
Обжигающий след

Екатерина Богданова
Академия времени

Ольга Куно

ЧУДОВИЩЕ
И КРАСАВЕЦ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К91

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Станислава Дудина

Куно, О.

К91 Чудовище и красавец: [роман] / Ольга Куно. -
Москва : Издательство АСТ, 2017. - 320 с. - (Другие
Миры).

ISBN 978-5-17-103061-2

Иногда кажется, что против Даны Ронен ополчился весь мир. Ей отказывают в работе, ее обвиняют в ведьмовстве и даже чуть не казнят за преступление, которого она не совершала. Причина в проклятии злой ведьмы, наградившей Дану крайне непривлекательной внешностью. Найдется ли на свете человек, который сумеет разглядеть красивую душу под уродливой оболочкой?..

ISBN 978-5-17-103061-2

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© О. Куно, 2017
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2017

ЧАСТЬ 1

Аяра́

— Дана, я пригласил тебя сюда, чтобы сообщить пренеприятное известие.

Дорон отвел виноватый взгляд и нервно поерзал на стуле. Не оттого, что тот был неудобен, хотя это, конечно, правда: чего еще можно ожидать от предмета мебели, сколоченного на скорую руку из не пригодившихся при строительстве досок? Но нет, мой собеседник и непосредственный начальник, крепкий пятидесятилетний мужчина со смуглой кожей и обветренным лицом, был человеком неизбалованным и на подобную ерунду внимания обычно не обращал. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке из-за содержания предстоящего разговора, и это заставило меня здорово напрячься. Поскольку догадаться, что последует за таким предисловием, было нетрудно.

— Так вот... — Дорон неудачно повернулся и задел локтем горшок с геранью, который в результате чуть не свалился на пол. Однако чахлый цветочек с бледно-розовыми лепестками все-таки удержался на месте, чем в очередной раз доказал собственную живучесть. Поднимавшаяся со стройки пыль, жара и редкий полив (хозяйин крошечного кабинета и без того вечно крутился, как белка в колесе) не могли загубить хрупкое на пер-

вый взгляд растение. — Одним словом, боюсь, что ты уволена.

Я опустила глаза и закусила губу, чтобы совладать с эмоциями. Конечно, это было ожидаемо. В большинстве случаев мне отказывали сразу, реже — после первого дня на новом рабочем месте. К подобному отношению я привыкла. Но здесь я успела продержаться целых пять дней. Пять дней! Почти полную рабочую неделю. И это давало надежду, что на сей раз злой рок обойдет меня стороной. Но, по-видимому, я оказалась излишне оптимистична.

Бумаги со схемами, которые я принесла для согласования с начальством, легли на стол, тоже державшийся на честном слове (или на легкой бытовой магии) — как и всё в этом крохотном кабинете.

— Причина, как я понимаю, не в качестве моей работы? — глухо спросила я, не поднимая взгляда.

— Да в каком качестве?! — Дорон резко взмахнул рукой, снова едва не столкнув многострадальную герань. — Послушай, девочка, поверь мне на слово: ты — отличный архитектор. На мое суждение можешь положиться: я в этом деле добрых тридцать лет кручусь. И Низейский собор строил, и второй корпус столичного университета, и Малый южный дворец. Так вот, тебе еще немного опыта набраться — года три, не больше, — и из тебя не то что младший, а старший архитектор отличный получится! А тут... ну да, другие причины, — снова сникнув, подтвердил он.

Спрашивать, какие именно, я не стала — и так все было понятно, — но заместитель главы строительства сам не выдержал, громко стукнув кулаком по столу.

— Руки у этого идиота Бена не из того места растут! — гаркнул Дорон. — Кирпич он, видите ли, на ногу уронил! Себя бы за это по башке и стукнул — так нет, припомнилось ему, что ты как раз в это время мимо проходила! И все, заладил: «Ведьма, ведьма, сглазила, беду притянула».

Лицо зама исказила самая настоящая гримаса: похоже, он и в самом деле воспринимал случившееся близко к сердцу.

— И остальные, конечно, его поддержали, — с обреченным смешком предположила я.

Дорон эмоционально махнул рукой.

— Одни поддержали, другие... Да что с них взять? Молодежь, ветер в голове, думают тем местом, которое совсем для другого предназначено. В общем, до высокого начальства дошло, а он, оно то есть... в смысле начальство... — тут заместитель явно удержался от крепкого словца, — ...сочло нужным прислушаться. Рисковать строительством он, видите ли, не может. Бред, да и только! В общем, Дана, извини. — Дорон со вздохом вытащил из ящичка конверт и протянул мне. — Вот, это за те дни, что ты отработала.

— Да я ничего и сделать особо не успела, — с кривой улыбкой отозвалась я, покосившись на свои наброски. — Вряд ли я что-то реально заработала.

Сказала — и тут же пожалела. Ну не дура ли? И так без жалованья останусь на неопределенное количество времени, а денег, между прочим, кот наплакал. Каждый грош на счету, а тут хоть что-то.

Однако Дорон, к счастью, был не из жадных и на слове ловить меня не стал.

— Боги с тобой, Дана! — поморщившись, воскликнул он. — Я и так тут перед тобой распинаюсь, не знаю, как в глаза посмотреть, а ты еще от жалованья отказываешься. Бери, и точка. Заработала, твое.

— Спасибо, — благодарно кивнула я и, опустив глаза, приняла конверт из его руки.

Сразу же спрятала деньги в сумку.

— Благодарить меня точно не за что, — проворчал Дорон, поднимаясь со стула. — Если вдруг узнаю о свободном месте, дам тебе знать. И не унывай. У тебя все еще будет отлично.

Я снова кивнула, постаравшись натянуть на лицо подобие улыбки, попрощалась и вышла из здания. В воздухе, как и обычно во время рабочего дня, стояла пыль. Где-то стучал молот, звенела пила, люди снова-ли туда-сюда с тележками, груженными древесиной и инструментами. Прикрывая лицо рукавом (не столько от пыли, сколько от окружающих), я быстро покинула территорию стройки и зашагала по направлению к реке.

У нас, в Аяре, по каким делам ни ходи, рано или поздно окажешься у берега. Река Майма разделяет городок на две неравные части. Та, что поменьше, лежит на восточном берегу. Там расположены более богатые кварталы, мэрия, крупные лавки, а также центральная площадь. Именно там всегда кипит жизнь, и не случайно на этом же берегу планировали возвести новый Дом музыки — комплекс из трех зданий, в проектировании одного из которых я до недавнего времени принимала участие.

Так что работала я на восточном берегу, а жила на западном, как и большинство людей, не отличающихся ни благородным происхождением, ни предпринимательской жилкой, которая позволила бы иметь отличный доход даже в нашем провинциальном городке.

С восточной стороны находился еще и Остров — так называли его жители Аяры, — хотя это был скорее полуостров, приютившийся между Маймой и ее крупным притоком, Макором. Эта часть города и вовсе считалась элитной. Здесь стояли богатые дома, проводились выставки, редко, но все же случались балы и прочие значимые культурные мероприятия.

Однако мой путь лежал на запад. До ближайшего моста идти было недолго. Пешеходный, по большей части деревянный, но с металлическими подпорками и перилами, он изгибался дугой, соединяя две такие разные части одного города, и чем-то напоминал волшебную дорожку из сказки. Возможно, так казалось

из-за многочисленных железных замков, крепившихся к прутьям перегородки. По местному поверью, оставив здесь такой замок, молодожены тем самым гарантировали себе долгую и счастливую совместную жизнь.

Дойдя до середины моста, я облокотилась обеими руками о перила и, слегка перегнувшись, посмотрела на воду. Мимо неспешно проплывали, иногда прокручиваясь вокруг своей оси, сорванные ветром листья.

Лишь отсюда я могла спокойно смотреть на свое отражение. Там, внизу, в подернутой рябью воде прорисовывался только контур, общие очертания, но деталей было не разглядеть. И потому казалось, что с моста на реку смотрит обыкновенная женщина с обыкновенной внешностью. И не было у нее ни нижней челюсти, выдающейся вперед, ни щербинок между зубов, ни носа картошкой, ни жидких волос, с трудом прикрывающих торчащие уши... И вроде бы никакой патологии, а общая картина пугающая.

Так что криворукый строитель — далеко не первый, кто ожидает от меня дурного глаза и даже темного колдовства. Вот только, в отличие от настоящих ведьм, каковых в нашем королевстве не так уж и мало, мне устроиться в этой жизни совсем не просто. Никто не желает терпеть рядом с собой такое уродство. И предыдущая моя работа, проектирование первого в городе четырехэтажного здания, — случайное исключение из общего правила.

Я извлекла из сумки конверт, вытащила на свет купюры (держала крепко, чтобы не унесло ветром) и пересчитала. Вышло даже не за пять дней, а за шесть, полную рабочую неделю. Дорон постарался. Что ж, спасибо ему за это. Ведь дома у меня лежит немногим больше. На то, чтобы внести ближайшую плату за жилье, хватит. На еду тоже чуть-чуть останется. А дальше... Если в самом скором времени я не найду работу, окажусь на улице без средств к существованию. И даже нищенствованием заработать не смогу: моя внешность

обычно способствует скорее чувству неприязни, нежели жалости.

Так было не всегда, но за долгие годы я привыкла к тому лицу, которое смотрело на меня из зеркала. Привыкла к морщащимся и брезгливо кривящим губы людям. Меня скорее могла удивить реакция таких, как Дорон. Она была неожиданной.

Спрятав деньги обратно в сумку, я снова посмотрела на воду. Прыгнуть, что ли?.. Впрочем, это я так, несерьезно. Поживем еще. Прыгнуть всегда успею — если уж совсем никакого выхода не останется.

Я оттолкнулась от перил и побрела по мосту вниз к своей, западной, части города. Домой не спешила: сейчас мне вообще торопиться некуда. Вместо этого села на скамейку в одном из своих любимых скверов, достала припасенную заранее булку и принялась кормить голубей. Они привычно слетелись, стоило мне занять давно облюбованное место.

Скорее механическими, чем продуманными, движениями я стала разбрасывать в разные стороны куски булки. Нельзя сказать, будто я была погружена в раздумья. Голова, напротив, казалась пустой, словно грустные мысли не могли проникнуть сквозь инстинктивно выдвинутый барьер. Зато эмоции не покидали ни на секунду. Вот только нестабильное душевное состояние напоминало огромный маятник, который методично отшвыривал меня то к меланхолии, то к нецензурщине.

Последние кусочки раскрошившейся булки я забросила подальше, воробьям, которым не удалось миновать более крупных птиц и пробиться в хлебные (в прямом и переносном смысле) места. Потом встала, отряхнула платье и, перекинув сумку через плечо, продолжила неспешно двигаться в сторону дома.

Я уже вышла из сквера, но все еще шагала вдоль забора, когда увидела пса. Крупный, лохматый, со свалывшейся светлой шерстью, он смотрел на меня, одиноко стоя на пустой улице. Никакого намека на ошейник.

В глазах — доверие с легкой примесью испуга. И тоска. Вот такая гремучая смесь.

Приблизившись, я замерла на месте и осторожно, стараясь не спугнуть, вытянула к псу руку. Сперва он потянулся ко мне, но страх был сильнее. Прижав уши, опустил хвост и немного попятился. Но не убежал. И продолжал внимательно смотреть.

Я присела на корточки и заговорила, стараясь, чтобы голос звучал дружелюбно и успокаивающе.

— Ну что ты? Иди сюда, иди. Я тебя не обижу, честно. Просто поглажу.

Собачий хвост принял прежнее положение, уши приподнялись, и пес постепенно, шагочек за шагочком, двинулся ко мне. При этом он потешно вытягивал голову вперед, с любопытством принюхиваясь. Я снова рискнула протянуть руку, и вскоре ладонь коснулась нечесаной, но все равно приятной на ощупь шерсти.

— Накормить мне тебя, к сожалению, нечем, — покачалась я. — Вот, последний хлеб раздала.

Я вздохнула, пес тоже погрустнел, как будто понял. Но уходить и не думал. Я почесала его между ушами, и он довольно поднял голову повыше.

— Не повезло тебе, да? — понимающе хмыкнув, спросила я. — Был бы ты породистый, с родословной, — и любой богач за тебя бы с радостью кучу денег выложил. А так никому ты не нужен. Приходится болтаться по улицам и скверам в поисках еды.

Пес лег и опустил голову на передние лапы. Вряд ли он понимал, что я говорю, но воспринимал слова благосклонно, реагируя не на содержание, а на интонации. Ему уже явно было комфортно в моем обществе. Я продолжила его гладить.

— И никому не интересно, что ты ласковый, и преданный, и умный. Не подпадаешь под принятые рамки — и все, до свидания.

Я вздохнула. Еще немного молча потрепала пса по густой шерсти. Потом встала, устав сидеть на корточ-

ках. «Ну что ж, пока? Удачи тебе!» — собиралась сказать я. Но взгляд пса наполнился такой неизбывной тоской, что слова застряли в горле.

— Ну что... Пойдем со мной? — предложила я, понимая, что совершаю огромную ошибку, что нельзя брать на себя ответственность за кого-то другого, когда сама не знаешь, что будет с тобой завтра. Я это понимала, но все же точно знала, как поступлю. А пес, обнадежившись, приподнял уши. — У меня дома есть еда, вода и мягкая подстилка, — сообщила я. — Правда, через пару недель я могу оказаться на улице, и ты со мной за компанию. Будем тогда вместе просить милостыню.

Пес, нисколько не расстроенный такой перспективой, потрусил за мной, виляя хвостом.

Добравшись до дома, я первым делом его накормила и в процессе смогла оценить, насколько бедолага был голоден. Затем настало время решать другую проблему: собаку нужно было помыть. Однако пускать пса в собственную ванну я не желала и потому, недолго думая, выставила на улицу возле входа лохань, натаскала воды и уж потом устроила водные процедуры. Пес оказался от них не в восторге, но все-таки в лохань влез и в целом вел себя довольно послушно.

— Дана!

Услышав оклик, я подняла голову. Лилах, соседка, с которой у меня сложились неплохие отношения, стояла на балконе второго этажа дома напротив. Учтывая, что улочки в этой части города были узкие, жители переговаривались с такого расстояния без особого труда.

— А почему ты дома? — спросила Лилах после того, как я приветственно помахала ей рукой. Помахала и вернулась к своему занятию: каким бы покладистым ни был пес, чрезмерно испытывать его терпение все же не стоило. — Ты вроде бы устроилась на работу на Острове?

— Не на Острове, просто в восточной части, — машинально поправила я. — Впрочем, уже неважно. Я там больше не работаю.

— А-а-а... — Лилах, похоже, сперва собиралась спросить о подробностях, но потом передумала. Догадаться о причине моего увольнения было несложно. — А что это за собака? — вместо этого поинтересовалась она.

— Моя, — с непонятно откуда взявшимся вызовом ответила я, ненадолго прерывая процесс помывки.

— М-м-м. Понятно, — кивнула соседка, с любопытством оглядывая пса. — А как ее зовут?

— Э... Не знаю, — призналась я, испытывая при этом некоторую неловкость.

— Понятно, — повторила Лилах. Еще немного понаблюдала за нашим с псом занятием, после чего задумчиво изрекла: — У нее, наверное, вши... то есть эти... блохи?

— Наверное, — согласилась я. — Вот этим-то я как раз и занимаюсь.

— Угу.

Из квартиры соседки раздался громкий вопль:

— МАМА!

Я в первый момент подпрыгнула, хватаясь за сердце, но Лилах лишь повернула голову к балконной двери, демонстрируя чудеса спокойствия. Продолжение не заставило себя ждать.

— Идем играть! — требовательно произнес детский голос.

— Ноам, я разговариваю! — откликнулась соседка.

Однако она явно не рассчитывала на спокойное продолжение беседы и оказалась права.

— Мама, идем играть СЕЙЧАС! — с настойчивой непосредственностью заявило чадо.

Лилах, у которой было двое детей, одному два, другому четыре, обреченно закатила глаза.

— Минуту, крокодилы! — крикнула она и снова повернулась ко мне. — Я поговорю с Эялем. Вдруг у них будет пробегать какая-нибудь работа.

Я кивнула, хотя на положительный результат не рассчитывала. Эяль, муж Лилах, служил в мэрии и теоретически действительно мог бы помочь архитектору с трудоустройством. Но у меня случай особый. В прошлом Эяль уже пытался мне посодействовать, и ничего из той попытки не вышло.

Из квартиры внезапно раздался громкий звук бьющегося стекла. А затем невинный детский голос констатировал:

— Ой. Упало.

Лилах на секунду сжала зубы, округлила глаза и вытянула вперед руки с согнутыми пальцами, изображая страшное чудовище, готовое кого-нибудь покалечить, после чего со страдальческим «Иду!» скрылась в доме.

Удивительно, но кое-какой результат обращения к Эялю все-таки был. Мне предложили прийти на так называемый испытательный день в дом главы гильдии гончаров. Правда, требовался им не архитектор, а секретарь. Но с момента увольнения прошло два дня, других предложений пока не поступало, а найти источник заработка требовалось срочно. Так что я пошла.

Главу гильдии я лицезрела не более двух минут. Это был статный, солидный мужчина лет сорока на вид. Полагаю, в действительности ему было больше, поскольку так рано на подобную должность обычно не пробиваются. Вежливо со мной поздоровавшись, он направился по своим делам. Меня же препоручили Хане, полной женщине, по возрасту годившейся мне в матери. Она показала, в чем будет заключаться суть моей работы, и в течение восьми часов я честно вникала в списки товаров, имена купцов и названия крупных лавок.

Ближе к вечеру Хана, и правда отнесшаяся ко мне немного по-матерински, подошла к моему столу, вся сияющая, и сообщила, что меня приняли на работу.

— Это глава гильдии сказал? — спросила я, обрадованная и удивленная одновременно.

Хана покачала головой.

— Его жена. Но здесь именно она все решает, — доверительно добавила сотрудница, понизив голос.

Мне вспомнилась худая ухоженная брюнетка с пронзительным взглядом, и вправду наблюдавшая за мной пару раз в течение дня. Ее внимание заставляло чувствовать себя не в своей тарелке, и каждый раз я ждала заявления, что человеку с моей внешностью в таком уважаемом доме не место. Теперь же выяснилось, что именно ей я обязана шансом не умереть через пару недель с голоду.

— Здорово! — выдохнула я. — Но разве она видела хоть что-то из моей работы?

Наблюдать со стороны — это, конечно, хорошо, но в бумаги, с которыми я имела дело, жена главы гильдии не заглядывала.

— Это неважно, — дополнительно понизив голос, просветила меня Хана. — Главное, она видела тебя. Ты понимаешь, ее совершенно не устраивает, когда рядом с ее мужем крутятся молодые вертихвостки с надутыми губками. Она предпочитает видеть здесь женщин постарше, вроде меня. А на должность секретаря никак никого подходящего не находила. А на тебя посмотрела — и прямо в восторг пришла!

Я не могла видеть себя со стороны, но, думаю, в тот момент краска схлынула с моего лица. Стало быть, меня берут не за образование, гораздо более серьезное, чем требуется для этой работы. Не за старательность, не за ум, не за полученные результаты. А за мою внешность, благодаря которой хозяину дома точно не придет в голову крутить со мной шашни.